

Интервью Евгении Штейнберг с Леонидом Люксом

Философ Федор Степун и его вклад в русско-немецкий диалог культур

Внимание Европы в настоящее время опять приковано к России. В какую сторону она повернет? Обращение к русскому духовному наследию XX в., к анализу русско-немецкого диалога культур может помочь в преодолении кризиса. Большую роль в этом культурном обмене сыграли русские философы, в частности, Федор Степун – человек, принадлежавший обеим культурам: русской и немецкой.

Евгения Штейнберг: Уважаемый г-н профессор Люкс, в чем, по Вашему мнению, особенности Степуна как философа и человека? Что Вас побудило к рассмотрению его политических идей? И что стало для Вас неожиданным при изучении творчества Степуна?

Леонид Люкс: В первую очередь, Степун – это человек двух культур, который чрезвычайно глубоко укоренен и в русской, и в немецкой духовной традиции. Он всегда мог смотреть на эти культуры с двух разных перспектив, что ему помогло в анализе как русского, так и немецкого культурного наследия. Он был действительно мостом между Россией и Германией, и эта многогранность и биполярность его мышления меня особенно интересуют.

Е.Ш.: Как формировались взгляды Степуна? Вы говорите, что они необычны своей биполярностью – что это значит?

Л.Л.: С одной стороны, Степун был как бы типичным представителем «серебряного века» и эпохи философско-религиозного ренессанса, представителем той элиты, которая отказалась от грубого материализма, атеизма 1860-х – 1870-х гг., то есть он находился в сфере этих новых парадигм. Так что тут ничего особенного нет, он так же, как и Франк¹, Бердяев², Булгаков³, Струве⁴, Мережковский⁵ и другие был создателем этой новой культурной эпохи. Здесь, действительно, надо сказать, что начало XX века – это настоящая революция в истории русской

¹ Семен Франк (1877-1950) – русский философ и религиозный мыслитель.

² Николай Бердяев (1874-1948) – русский религиозный и политический философ.

³ Сергей Булгаков (1871-1944) – русский философ, православный священник.

⁴ Петр Струве (1870-1944) – общественный политический деятель, экономист, историк, философ.

⁵ Дмитрий Мережковский (1865-1941) – русский писатель, литературный критик, философ, общественный деятель.

культуры. И в самом факте, что многие представители этой духовной элиты, как и Степун, посещали немецкие университеты, тоже ничего особенного нет, потому что сотни, может, даже тысячи представителей духовной элиты России тогда учились в немецких и в других западных университетах. Так что тут можно сказать, что Степун является неотъемлемой частью духовной элиты того времени. Но после свержения монархии, когда февральская революция попыталась построить первую в истории России демократию, Степун становится все-таки уже представителем более узкого круга людей потому, что отождествляет себя с февральской революцией. В отличие от многих других представителей «серебряного века» или философско-религиозного ренессанса, которые относились к этой очень хрупкой, несостоявшейся русской демократии очень критически и которые видели в ней, в сущности, преддверие большевизма, утверждая, что февральская революция как бы сделала победу большевизма неотвратимой, Степун смотрел на это совершенно иначе. Он видел в февральской революции шанс построения в России гуманного общества, и когда все эти попытки действительно укоренить свободное общество в России рухнули, он это объяснил не каким-то фатальным роком, а, с одной стороны, ошибками русских демократов, и, с другой, их отношением к террору. Он говорил, что Керенский мог бы, наверное, удержать власть, если бы он, как и Ленин, воспользовался бы мечом терроризма. А он этого не хотел. Во время февральской революции Степун уже не только созерцатель, но и политик, он участвовал в правительстве на очень высоких должностях – тут уже начинается какая-то новая глава в биографии Степуна. Конечно, он не смог спасти русскую демократию, но благодаря этому опыту он смог понять, почему демократии не могут себя защитить, почему они терпят поражение в борьбе с такими нетерпимыми и бескомпромиссными врагами, которыми являются тоталитарные партии или тоталитарные деятели.

Е.Ш.: Как Вы думаете, в анализе Степуна, в его понимании политических реалий больше отразилось русское или немецкое видение? То есть является ли метод анализа политических событий и культурных процессов у Степуна в его видении революции результатом синтеза двух культур или в нем преобладает одна из сторон?

Л.Л.: Степун, как и многие другие представители русской интеллигенции, стал жертвой первого тоталитарного эксперимента в истории – потому что большевизм – это своего рода лаборатория построения антигуманного, бесчеловечного общества, – он стал свидетелем и жертвой этой первой тоталитарной утопии, которая пришла к власти. Конечно, это изменило все его видение мира. И ему где-то повезло, когда ему пришлось покинуть родину, ставшую жертвой тоталитарной системы. Теперь он пытался использовать этот свой российский опыт в Германии, которая для него была абсолютно близкой, знакомой, чтобы предотвратить похожие процессы в других, не затронутых еще тоталитарным экспериментом странах. И это, я думаю, было его главной миссией во время первого десяти-

летия его пребывания на Западе. Этой миссией была попытка объяснить обществу, в котором он сейчас находился, что тоталитарная опасность угрожает также и другим демократиям. И это он постоянно делал и как публицист, и как ученый, и как преподаватель. Он пытался поделиться с немецким обществом своим опытом. И здесь он тоже потерпел полную неудачу. И Германия стала жертвой тоталитарного эксперимента, и ему не удалось этого, как и в России, предотвратить. Но вот что для Степуна характерно – он делает различие между тоталитарными поработителями наций и в России, и в Германии и духовностью этих двух наций. Он говорит, что большевизм, конечно, – это проявление русского духа, но его грехопадения. И то же самое он говорит о Германии, что нацизм – это, конечно, движение, которое связано с немецкой духовной традицией, однако с ее болезненным состоянием, с ее грехопадением. И вот здесь я думаю, что он всегда видел, что существуют в обеих нациях силы, которые как бы еще не полностью потеряли связь с какими-то вечными непреходящими ценностями, но что они в данный момент были вытеснены на обочину истории.

Е.Ш.: Как проходило прощание Степуна с XIX веком и что он ожидал от XX века? Насколько эти ожидания оправдались?

Л.Л.: Можно сказать, что люди, знавшие XIX век, знали ту историю Европы, которая, казалось, еще продолжала девятнадцативековое развитие христианской культуры и которая как бы рухнула в пропасть. Поэтому то, что Степун пережил в советской России, а потом в нацистской Германии, было, в сущности, построением ада на земле. Оказалось, что ад на земле построить можно. Рай невозможен, а вот ад возможен. Как бороться с адом на земле? Только воспоминанием того, что в прошлом существовала европейская культура, которая не была еще затронута этим адским соблазном. И поэтому, я думаю, что люди, которые пытались противостоять этим соблазнам, тоталитарным искушениям, сравнивали эпоху до и после. И это видно в воспоминаниях Степуна, потому что он в «Бывшем и несбывшемся» постоянно подчеркивает, что многие просто не понимали, в каком замечательном мире они жили еще в начале XX века. Что они потеряли! И вот это воспоминание дает какой-то импульс. Конечно, вернуться к потерянному невозможно, реставрация, вообще, совершенно невозможна. Но можно, пользуясь какими-то символами прошлого, попытаться на руинах той культуры, которая была разрушена тоталитарным вызовом, все-таки снова вернуться, по крайней мере, к какому-то человеческому, гуманному обществу.

Е.Ш.: Получается, рай может быть только потерянным?

Л.Л.: Да. Но, я бы сказал, что он, в сущности, конечно, не был раем, если вспомнить и состояние неимущих слоев, и рабочий вопрос, и революционный, и антиреволюционный террор и так далее. Это все не было раем, но адом также нет. Я думаю, что здесь надо сделать это различие между тем, что рай на земле построить невозможно, а ад – возможно.

*Е.Ш.: Вы говорили, что Степун – это человек «серебряного века». Почему же Степун написал о «серебряном веке» так поздно? Я имею ввиду его последнюю книгу *Mystische Weltschau*?*

Л.Л.: Мне кажется, что он постоянно писал об этой эпохе. Если почитать его «Мысли о России», которые он начал уже с 1923 года печатать в *Современных записках*⁶, то, конечно, ясно, что «Мысли о России» – это, в сущности, тот фундамент, на котором строилась эта его замечательная книга воспоминаний, потому что он использовал в ней эти опубликованные в 20-е годы очерки. Так что, я думаю, он никогда не переставал думать о том, что Россия потеряла после прихода большевиков к власти, и этот «серебряный век» присутствовал всегда в его произведениях, в его очерках. Конечно, особенно после двух вынужденных уходов из активной жизни – когда ему пришлось бежать и жить в провинции после прихода большевиков к власти, и в 1937 году, когда он в Германии потерял право преподавать и публиковать свои работы. Ему также надо было, уходя из активной жизни, как-то переосмыслить прошлое и это тоже стимулировало, наверное, более интенсивное переосмысление того, что происходило с ним в начале XX века.

Е.Ш.: Значит, Степун переживал определенный кризис, переосмысливал события, пытался по новому «взглянуть назад»?

Л.Л.: И время появилось.

Е.Ш.: Как Вы думаете, Степун больше русский или немецкий философ? Где лучше знают его творчество: в России или в Германии?

Л.Л.: На этот вопрос, мне кажется, почти невозможно ответить. Я думаю, что это действительно невероятно удачный синтез. Он до такой степени и русский, и немецкий мыслитель! Редко так бывает, что человек так глубоко укоренен в двух культурах, что трудно разделить его на какие-то две половинки. Он как двуликий Янус с такими же корнями в одной и в другой духовной традиции. Но все-таки, может быть, хотя он и в эмиграции тоже пытался объяснить русским эмигрантам Германию и у него было много статей о Германии, о немецких мыслителях и так далее, еще более важной его миссией было объяснить Германии Россию – он этим занимался всю жизнь. В эмиграции это была его главная миссия. Хотя он и преподавал социологию, но объяснение России немцам было все-таки его главным занятием. Это делали, конечно, и другие эмигранты. Это делали и Франк, и Федотов (во Франции). Кроме того, мне кажется, что Россия, православие, восточное христианство его духовной структуре были ближе, чем западная протестантская или католическая культурная традиция. Я думаю, что он все-таки более русский православный мыслитель, чем западно-германо-романский.

⁶ *Современные записки* (1920-1940) – общественно-политический и литературный журнал, издавался общественными деятелями русской эмиграции в Париже.

Е.Ш.: Сближался ли Степун в течении своей жизни все больше с убеждениями славянофилов?

Л.Л.: Я думаю, что Степун все-таки один из самых блестящих представителей русского европеизма. Он – русский европеец. Славянофилы были, конечно, тоже европейцами, но они очень отрицательно относились к Западу. У Степуна этого нет. Я вижу в Степуне человека, который все время борется против этого пред-рассудка, который укоренен и в России, и на Западе, что Россия – это не Европа. Он все время говорит, что Россия – это не запад Азии, а восток Европы. И поэтому он так сурово расправился с евразийским соблазном. Он все время критиковал евразийцев и их любовь к Азии. Он подчеркивал, что у России, конечно, есть и европейская, и азиатская суть, но не от одной из них она не может отказать. И все-таки, главное, что он в России видел, это то, что она является европейской страной. Поэтому я думаю, что даже если у него было понимание своеобразия русской или православной культуры или ее положительная оценка, он никогда не закрывал вот этой форточки, этого окна в Европу. Оно всегда присутствовало в его мышлении.

Е.Ш.: Каковы были взаимоотношения Степуна с Третьим рейхом и со сталинским СССР?

Л.Л.: Когда нацисты пришли к власти, конечно, уже ничего нельзя было больше сделать. Die Würfel sind gefallen⁷. Предотвратить можно было только их приход к власти. Степун пытался всячески это сделать, критикуя и большевизм, и нацизм – то есть обе формы тоталитаризма. Но это, к сожалению, не помогло. Для тоталитарных обществ или тоталитарных режимов является характерным, что когда они приходят к власти, то свергнуть эти режимы изнутри практически невозможно. Потому что тоталитарные режимы умеют справляться с каждой оппозицией. Они полностью уничтожают даже какую-то потенциальную возможность борьбы с ними. Так что после их прихода к власти уже трудно что-либо сделать. Но то, что остается в этом режиме уже после поражения гуманного демократического общества – это возможность сохранить еще какие-то остатки человечности и воспоминания о том, что было. Чтобы потом, когда эти режимы рухнут, можно было построить посттоталитарное общество. Эти режимы ведь всегда в конце концов разрушаются. У тоталитарных режимов есть тяга к смерти, к самоуничтожению. Рано или поздно они разваливаются, и тогда на руинах, которые они оставляют, надо строить посттоталитарное общество, вдохновленное дототалитарным прошлым, незараженным тоталитарными миазмами. И что же делает Степун после того, как ему уже нельзя было больше преподавать? Он пишет свои воспоминания – это, во-первых, попытка переосмысления того, почему мы потеряли этот как бы рай. А во-вторых, мы знаем, что это было чем-то вроде завещания для будущего. Это очень важно для людей, которые не могут стать пре-

⁷ Нем.: жребий брошен.

емниками той культуры, которая была до того, как страна попала в эту тоталитарную пропасть. Значит, нужны какие-то еще свидетельства, документы, какие-то доказательства того, что существовало до этого. И вот Степун делает это, также, между прочим, как и Клемперер⁸ и другие, которые помнили, вспоминали, что было до того – до прихода тоталитарных режимов к власти. Остается только думать и переосмыслять. И вот, когда после 1945 года появляется новый шанс, Степун снова начинает преподавать и пытается объяснить произошедшее. Он обращается снова к обоим обществам, потому что он все-таки был и немцем, и русским.

Е.Ш.: Степун покинул еще ленинскую Россию, а потом, когда к власти пришел Сталин, его отношение к режиму как-то изменилось?

Л.Л.: Нет, я считаю, что Степун здесь видел преемственность ленинской и сталинской эпохи. Хотя в своих воспоминаниях он тоже видит какое-то различие между ленинским и сталинским адом или между этими двумя кошмарными обществами. Если в ленинской России еще существовали какие-то возможности духовного развития, то в сталинской системе о них и мечтать нельзя было. Тут были уничтожены последние какие-то искорки и очаги свободы. Он видел этот кошмар сталинского ада. Степун, между прочим, никогда не поддавался так называемым «патриотическим» соблазнам, хотя он очень любил и Россию, и русскую культуру. Но этому соблазну, жертвой которого стал Бердяев – смотреть на сталинскую Россию положительно из-за того, что русский народ победил нацизм, как бы смешивать народ со сталинизмом, – он никогда не поддавался, никогда этого не делал. Так же, как и Федотов, как и многие другие эмигрантские мыслители, которые никогда не подвергались этому соблазну – реабилитировать режим, победивший нацизм. Они восхищались народом, который смог победить Третий рейх, но никогда не прощали Сталину или сталинизму того, как этот режим поступал с русским народом.

Е.Ш.: Какова судьба научного наследия Степуна?

Л.Л.: У Степуна было мало учеников. И главное, что он оставил, – это, конечно, свои работы. И я думаю, что характерным для его судьбы является то, что его забывают, а потом постоянно заново открывают. Это то, что можно проследить в Германии, где он при жизни пользовался невероятным успехом, был очень популярен. А потом его как бы забыли. Так как действительно было мало преемников, которые бы продолжили его идеи, его духовный путь. Но его все время заново открывают потому, что между Германией и Россией существует судьбоносная связь: с одной стороны, они были жертвами и виновниками двух тоталитарных экспериментов, а с другой стороны, – постоянно друг на друга смотрели. И их

⁸ Виктор Клемперер (1881-1960) – немецкий филолог, писатель и журналист, исследователь особой роли языка в формировании психологии тоталитарного общества в нацистской Германии.

судьбы переплетаются всегда, когда появляются какие-то кризисные эпохи, как сейчас, например, когда Россия снова становится страной, которую трудно понять. Когда режим Путина приводит сейчас к тому, что Россия как бы покидает Европу, как это происходило уже после большевистской революции, всегда стоит снова обратиться к Степуну и поучиться у него, как надо себя вести тогда, когда русская духовность все больше и больше начинает себя проявлять вне России, когда эмигранты спасают какую-то преемственность, которая для России необходима потому, что Россия все-таки не может покинуть Европу. Это не Степун, а когда-то Федотов сказал, что вытеснить Россию в Азию невозможно, даже тогда, когда это попытаются сделать сами россияне. Это значит, Россия остается Европой. И вот, надо опять думать об этом: почему снова начинается вот этот виток истории, когда между Россией и Европой мы видим новую фазу противостояния? И благодаря Степуну можно, по крайней мере, попытаться не потерять надежду на то, что Россия не покинет Европу.

Е.Ш.: Степун пытался сохранить пласт культуры, который он вывез с собой, он пытался трансформировать его в духовный опыт, которым он делился со своим окружением. Вы говорите, что в данный момент определенный культурный слой в России тоже пытается сохранить эту связь. Означает ли это, что Степун является духовным примером для этого слоя в нынешней уходящей в какое-то другое направление России?

Л.Л.: Да. Я думаю так потому, что большевики, конечно, отрезали почти все прошлое. Россия потеряла связь с прошлым. Оставались, конечно, писатели. Это было спасением для русской культуры, что писателей-классиков все-таки не запрещали, однако философов запретили. Лишь во время перестройки эмигранты-философы посмертно вернулись в Россию. Это все-таки было счастьем для русской культуры, что все то, что было сделано в течении семидесяти лет, снова стало достоянием России. И казалось бы, что этих двух Россией, этих двух культур или двух ипостасей в русской культуре больше не существует.

Этот период был также и периодом возвращения Степуна на родину, – только тогда он вернулся. Во многом, конечно, благодаря Владимиру Кантору, который проделал невероятную работу по возвращению Степуна и его творческого наследия в Россию.

Но сейчас начинается этот новый виток истории, когда достояние русских европейцев снова кажется чем-то не востребуемым. Но не только в России, но и на Западе. Потому что на Западе этого достояния тоже почти не знают. В Германии знают Степуна и Бердяева, но не знают стольких замечательных мыслителей: не знают Федотова, не знают Вышеславцева, не знают Булгакова, не знают Струве и так далее. Я думаю, что этот заряд, созданный в начале XX века, этот синтез между православной духовностью и западной научностью должен был создать в России новый этап ее европеизации. И это развитие было приостановлено насильственным путем. То есть это не было какое-то увядание, какой-то де-

каданс, какое-то исчезновение творческой силы, нет. Этот процесс был приостановлен насильственным путем. Я думаю, что вот этот заряд должен еще как-то быть переосмыслен и от этих творческих импульсов можно еще очень многого ожидать и для России, и для Запада. Потому что это была замечательная эпоха! Я сказал бы так: существуют такие времена в истории, когда в кратчайший момент, в кратчайшие периоды создается новая культурная парадигма. Это как бы почти беспримерное сгущение талантов и гениальности. Такое происходило, конечно, в Древней Греции в эпоху Перикла, в Италии в эпоху Ренессанса, в Германии в эпоху Романтики, но это произошло также и в России во время «Серебряного века». Я думаю, что эти эпохи не исчезают, они остаются где-то. Конечно, остаются книги, остаются скульптуры, картины, музыкальные произведения. Все это остается, и это всегда надо заново открывать. Я думаю, что это будет когда-то снова востребовано. И не только в России.

Е.Ш.: В чем же актуальность мыслей Степуна для Германии?

Л.Л.: Я думаю, что Германии Степун тоже еще очень многое может открыть. Ведь Степун пытался познакомить Германию с наследием «Серебряного века» – русского духовного ренессанса – и это ему никак не удавалось. Он десятилетиями пытался убедить издателей – все-таки его очень хорошо знали и уважали – издать работы Франка в Германии. Он неустанно повторял: «Это самый выдающийся русский философ XX века!». Безуспешно. Не понимали того, до какой степени Франк важен для Германии. То же самое с Федотовым, – он умолял немецких издателей (он же писал в разных очень влиятельных тогда интеллектуальных журналах – *Merkur* и *Hochland*): «Переводите Федотова!». Один единственный раз ему это удалось: журнал *Merkur* опубликовал статью Федотова о свободе. Так что я думаю, что Германия знает как-бы вершину айсберга, но айсберга вообще не знает. И, может быть, тогда еще не пришло время для того, чтобы немецкая культура углубилась в своеобразие и наследие русских мыслителей первой половины XX века, которые для Германии могли бы открыть совершенно новые горизонты. Потому что такие мыслители, как Франк, Федотов, Вышеславцев и, конечно, Степун, были свидетелями кризиса как русской, так и западной культуры. Они были свидетелями беспримерного падения Европы, *Des Unterganges des Abendlandes*⁹. Но не только *des Abendlandes*, *des Morgenlandes* тоже. Они знали обе эти катастрофы изнутри, а немцы знают только одну катастрофу. Конечно, переосмысление нацистского прошлого в Германии прошло очень удачно, но надо учитывать опыт и другого тоталитарного искушения, который с германским тесно связан. Почему в стране Достоевского, Толстого, Гоголя и Пушкина мог появиться Ленин, мог появиться Сталин? Почему в стране Бетховена, Гете и Шиллера мог появиться Гитлер? Значит, здесь скрыта как бы тайна, которую надо пытаться все время заново понять. Надо углубиться одновременно в обе эти

⁹ Книга О. Шпенглера *Закат Европы* попала в СССР через О.А. Шор (литературный псевдоним О. Дешарт), друга Вячеслава Иванова и Федора Степуна.

катастрофы, так как большевизм и нацизм просто нельзя объяснить один без другого. Так что я думаю, что эти русские мыслители, понявшие и одну, и другую катастрофу, могли бы еще очень многое объяснить немцам. Степуна, конечно, читают, но и забывают. Так что я думаю, что его ренессанс когда-то тоже еще наступит, но тогда не только его одного, а всей плеяды мыслителей, которые были ему очень близки.

Е.Ш.: Помимо того, что Степун свои мысли излагал очень четко и мог их донести до немецкой публики лучше, чем, например, Франк, он был еще коммуникатором – он обращал внимание на других одаренных философов, признавал величину чужого таланта и пытался помочь передать это знание дальше, не испытывая при этом ревности.

Л.Л.: Он был замечательным редактором также потому, что редактируя *Современные записки* он как бы охотился за талантами. Для него это было очень важно. Он открыл Федотова. В 1926 году Федотов, который позже эмигрировал, чем Степун и Бердяев, под фамилией Богданов опубликовал замечательную статью «Трагедия интеллигенции», и Степун это сразу же заметил. – «Какой это замечательный мыслитель. Откуда он появился?» – Так он открыл Федотова для *Современных записок*. Так что он был, с одной стороны, очень интересным мыслителем, но, с другой стороны, Вы полностью правы, он не испытывал ревности к другим оригинальным авторам, пытался их также как-то популяризировать.

Е.Ш.: Можно сказать, что Степун, пережив многие кризисы, создал свою определенную этику, свое поведение, то есть сохранил в себе, несмотря на тяжелые испытания жизни, этические принципы, представления и, может быть, даже развил что-то свое?

Л.Л.: Я думаю, что это программа журнала *Новый град*, который он создавал вместе с Федотовым и Бунаковым-Фондаминским. Это и есть та программа, на которой он пытался построить новое общество и которой он оставался верен до конца. Он не переставал верить в социальную справедливость – это было для него очень важно. Он был своего рода демократическим социалистом. Но для него эта социальная проблема всегда была связана с христианским наследием. То есть это и была программа *Нового града*: спасти демократию при помощи ее укоренения в христианской традиции. И вот это и есть как бы его этическое завещание: не отказываться полностью от своих корней. Гуманные, этические, социальные ценности связаны для него с преемственностью, с ветхо- и новозаветными традициями.

Кроме того, хочу подчеркнуть, что Степун может служить образцом для всех, кто пытается быть мостом между разными культурами.

*Интервью проводила Евгения Штейнберг
Айхштетт, 17.03.2015*